

АЛЬБЕРТ КАРЫШЕВ

ГРИБЫ — БРАТЯ МЕНЬШИЕ

РАССКАЗЫ

Альберт Карышев

Грибы – братья меньшие (сборник)

«Карышев Альберт Иванович»

2002

Карышев А. И.

Грибы – братья меньшие (сборник) / А. И. Карышев — «Карышев Альберт Иванович», 2002

ISBN 5-8311-0067-7

Альберт Карышев с 1982 г. состоит в Союзе писателей России. В юности он, выпускник Архангельской мореходной школы, плавал матросом на судах заграничного плавания, а позднее, окончив Ленинградский кораблестроительный институт, участвовал в ремонте атомных лодок на одном из дальневосточных заводов. Обосновавшись с 1969 г. во Владимире, куда ещё во время Великой Отечественной войны эвакуировался вместе с матерью из подмосковного города Наро-Фоминска, Альберт Карышев поступил на конструкторскую должность в Центральное проектно-конструкторское и технологическое бюро, затем перешел в Бюро пропаганды художественной литературы при писательской организации. Ещё в отроческом возрасте он трудился грузчиком на делянках Нехлюдовского леспромхоза, а учась в Ленинграде, зарабатывал на жизнь то кочегаром при институте, то рабочим в морском порту, на конвейере шинного завода, в цехах завода аккумуляторного. Свой богатый жизненный опыт писатель ярко отразил в опубликованных им книгах: «В день Победы», «Всю жизнь», «Плач ребенка», «В лесу», «Дурная кровь», «Пленные немцы в Григорьевске» и др., всегда правдивых, остросоциальных, и при коммунистах, и теперь. Его новая книга «Грибы – братья меньшие», конечно, не только о грибах. Художник Б.А.Рыбин (Санкт-Петербург).

ISBN 5-8311-0067-7

© Карышев А. И., 2002

© Карышев Альберт Иванович, 2002

Содержание

Грибы – братья меньшие	9
Ведьмины грибы	17
Мистер Халиль в лесах Владимирщины	24
В грибах спасение	35
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Альберт Иванович Карышев

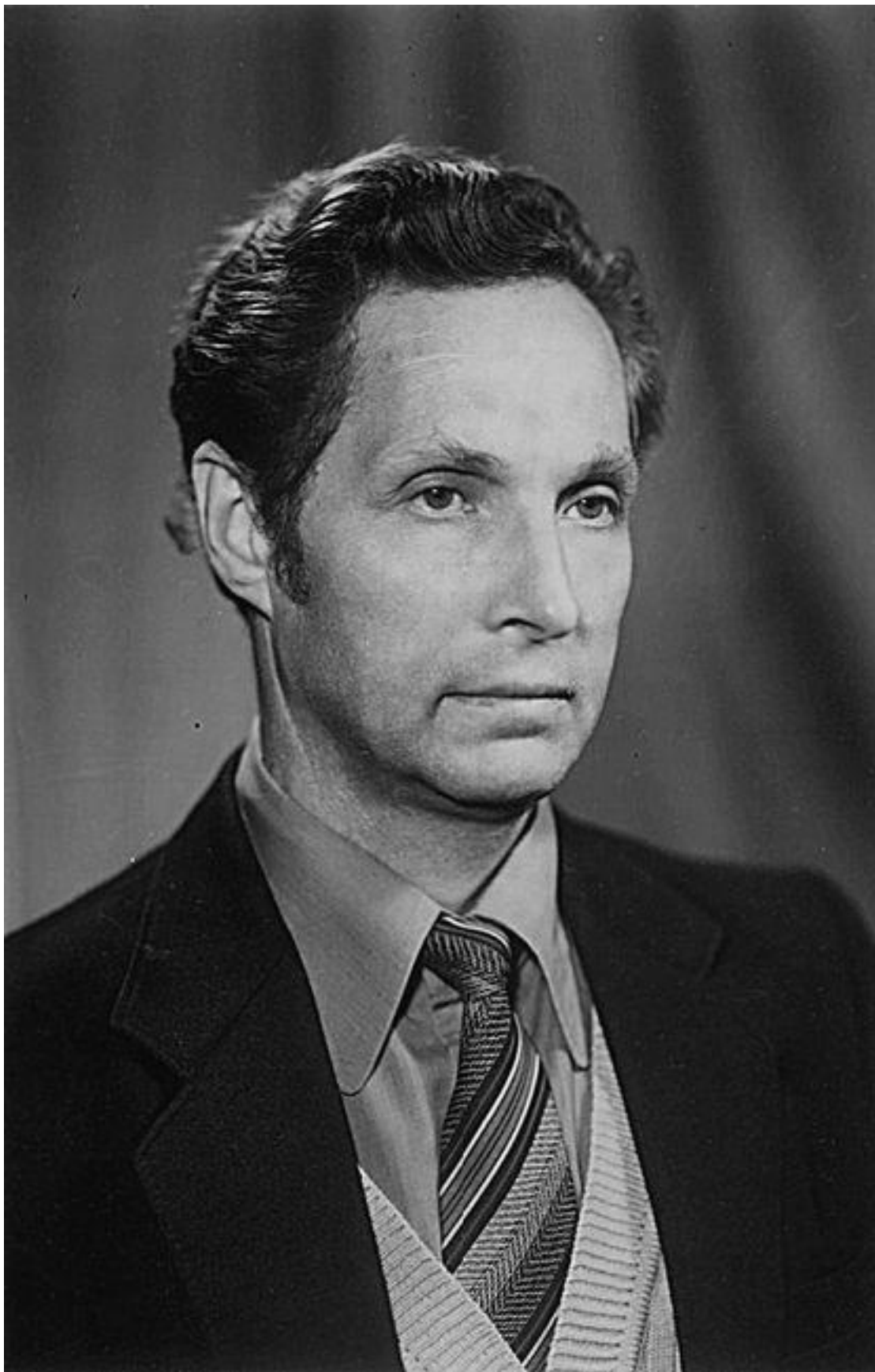
Грибы – братья меньшие

© А. Карышев, 2002

© Б. Рыбин, 2002

© Издательство «Транзит-Икс», 2002

* * *

Моей жене Вере Владимировне

Грибы – братья меньшие

Вячеславу Улитину

Мне хочется писать о грибах. Их чистый здоровый запах и светлые образы подавляют во мне злость и будят добрые чувства. Надоело слышать и видеть политических, финансовых, духовных уродов. Надоело ощущать тлетворные веяния времени. Спасибо, милые грибы, что в трудную минуту вы оказываетесь рядом и проситесь в положительные литературные герои!

Знакомые говорят: дело не в грибах. Просто ты избегай уродов, не смотри на них и опи-сывай людей нормальных. Я отвечаю: уроды – на виду, нормальные люди нынче прячутся, боятся за свой душевный покой, за честь свою и жизнь, и их, нормальных, так же нелегко раз-глядеть за сонмищем сказочных чудищ и оборотней, как благородные грибы за множеством ядовитых поганок.

Вот и в выборе сравнения на память пришли грибы. Но я признаю, конечно, что засилие уродов чудится в смутную историческую пору.

Съедобный гриб – последний друг человека, его истинный меньший брат, в сравнении с новым поколением домашних животных. Я недавно писал о том, как в реформы сытые ухо-женные собаки перегрызают сородичам глотки, а раньше о таких происшествиях я слыхом не слыхивал. Как говорится в одном современном стихе:

*Псы озверели, коты одичали.
Подобных реформ мы вовек не встречали.*

А у животных, между прочим, социальное положение устроено на людской лад. Нищие у них тоже есть, бомжи и «новые русские», и чем жизнь пса благополучнее, тем он наглее и свирепее. Как хозяин...

Давешнее лето было у нас довольно сухое, и грибы обильно росли только на северо-востоке земли владимирской: такие у меня о них были сведения. В сезон из-за многих дел я ни разу не выбрался в лес, но поздней осенью, в конце октября мы с приятелем уговорились поехать на его дребезжащем драндулете под названием «Москвич» в грибное место за Ковров. Приятель мой, артист декламаторского жанра, из Москонцерта, плохой ходок по лесам: идет-идет и вдруг захромает, начнет стонать и жаловаться, что стер ноги; сядет на пенек, скинет сапоги, шерстяные носки и с блаженством на лице (оно у них, артистов, преувеличенно отра-жается) гладит себе пятки, чистит между пальцами и приговаривает: «Ножки, вы мои ножки». Не поднять его тогда в поход даже громозвучным сигналом боевой трубы. Я с ним не люблю ходить (а так он человек хороший). Я вообще предпочитаю бывать в лесу один. В конце концов приятель со мной и не пошел, и вспоминаю я тут о нем лишь потому, что он отвез меня в запо-ведную лесную деревню и устроил на ночлег к своей знакомой крестьянке Полине Ивановне.

Ехали мы долго, чинились в пути и деревни достигли к вечеру. Было очень холодно. Я и с утра чувствовал себя не совсем здоровым, а по приезде увидел, что разболелся окончательно. Пощупал лоб, поклацал зубами, выгоняя озноб наружу, и невольно пробормотал:

– Кажется, заболел.

На это приятель, по любому поводу раздражавшийся стихотворными строчками, ответил с шекспировской страстью, протянув ко мне руку и сделав безумные глаза:

*Прощай, отец... дай руку мне:
Ты чувствуешь, моя в огне...*

Приятель, надо сказать, человек крупный, в физическом смысле, а голос у него напористый, громкий, отчетливо слышный в последнем ряду концертного зала. Ему бы Маяковского на сцене сыграть, но слабоват характером, и тут громкий голос не спасет.

В избе мы окунулись в тепло, уют и потрясающий запах пирогов. Под дощатым потолком неярко светила лампочка, закрытая тканевым абажуром. В левом верхнем углу горницы чуть колебался сиреневый огонек лампы, похожий очертаниями на птичье перышко, а за огоньком смутно виднелась икона в тусклых золотистых ризах, старинная, наверно (позже ее у Полины Ивановны украли залетные мазурики, сперва попробовав задешево купить). Хозяйка сидела у стола под лампочкой и пальцами левой руки сучила толстую нить из овечьей шерсти, а в правой держала веретенце, которым вкруговую помахивала, сматывая пряжу. Запомнилось мне, что она была с непокрытой седой головой, в очках, обрезанных валенках и хлопчато-бумажном спортивном трико, выглядывавшем у нее из-под юбки и морщинившимся у щиколоток. Она оставила работу и всмотрелась в нас, топчущихся у порога, а узнав артиста, торопливо поднялась со словами:

– Батюшки, какие гости!

Он сгреб ее в охапку. Хозяйка смущенно смеялась и отворачивалась, пока он лобызался.

– Мы с ним (это он про меня) по грибы к тебе заехали, – медоточиво произнес артист.

– Ну и ладно, – ответила Полина Ивановна юным голосом и взялась накрывать на стол.

Трясло меня сильнее, а исходившее от натопленной русской печи благодатное тепло сулило великое удовольствие, исцеление, и я подошел и прижался к печи спиной. Хозяйка заметила, что меня познабливает, и сказала обеспокоенно:

– Э, милый, дело плохо! Полезай-ка ты на печь, а я тебе туда чаю с малиновым вареньем подам!

Вначале с помощью приставной лестницы она сама полузалебла на лежанку и, согнувшись, расправила на ней покоробленные жаром подстилки. Сойдя вниз, Полина Ивановна взяла из комода простыню, а с кровати, на которой собралась уложить моего приятеля, как барина, одну из двух пуховых подушек, шерстяное одеяло и закинула их на печь.

– Полезай, полезай!

И я, конечно, полез и задвинул линялые ситцевые занавески. Но у мужчин такие лекарства от простуды, как малиновое варенье, все же не на первом месте, и вскоре артист пожаловал мне со стола рюмку водки, хлеба кусок да соленый огурец, которые я употребил не без труда и некоторого мелкого свинства, так как стучал зубами и трясся.

Меня окатывали волны теплого воздуха, со спины припекали кирпичи лежанки, а внутри грела водка, по всему телу распространяя свой мощный жар. Постепенно я приходил в себя и, отказавшись от плотного ужина и чаю с пирогами, уже задремывал, но настроение было не особенно хорошее: а вдруг у меня не хватит сил поутру встать с печи и отправиться в лес? Это для заядлого грибника было бы, образно выражаясь, хуже смерти. Тревожную мысль я перенес

из яви в забытьи и, «отключившись», увидел не радужную картину сбора подосиновиков и боровиков, а мрачную церемонию чьих-то похорон. Перед тем, как заснуть основательно, я очнулся весь в поту, снял брюки, рубаху с майкой, спросил пить и на сон грядущий послушал разговор артиста с Полиной Ивановной:

– Какие теперь грибы? – сомневалась хозяйка приятным бодрым голосом, подходившим скорее молодой девушке, чем женщине преклонных лет. – Обещали заморозки, а вы по грибы собрались!

– Грибы, Полина Ивановна, самые обыкновенные! Если хочешь знать, они и в январе растут, по деревьям выскакивают, маленькие такие грибочки! А боровик можно под снегом нащупать!.. Вы вот тут живете, а ничего не знаете! Что в лес-то вы, деревенские, не ходите? Как ни заеду, все дома сидите!

– Сидеть нам, милый, некогда. В страду трудимся до седьмого пота. И в совхозном поле спину гнем, и у себя в огороде, и за скотиной нужно ходить. Попробуй-ка, да на одни руки!

Приятель заранее мне сообщил, что хозяйка давно овдовела и живет в одиночестве.

– А я страсть люблю грибы собирать! И в снег, и в зной, и в дождик проливной, как в песне поется! – Уже заметно было, что он хорошо поддал: слишком много восторга и легкомыслия слышалось в его разглагольствованиях. – Меня хлебом не корми, дай только по грибы сходить! Я прямо одержимый! Доходило до смешного: все на первомайскую демонстрацию, а я в лес за сморчками! Про жену, бывало, на все лето забуду, а о грибах – никогда! Летом еду на рассвете, часа в три! Иной раз от волнения не сплю вовсе! Нынче, конечно, светает поздно; стало быть, часов в восемь намылимся, а то и полдевятого!

– Ну, сходите, сходите! – добродушно сказала Полина Ивановна (слышно было, как она прихлебывает чай). Сбейте охоту! По лесу в хорошую погоду удовольствие прогуляться! Да разве мы не ходим, когда есть время?.. Товарищ твой вот прихворнул. Что-то его не слышно на печке.

– Спит, наверно, черт лысый, – сказал артист. – Припухает.

Я извиняюсь, но это ложь чистой воды, будто я лысый. Волос на моей голове еще хватит, чтобы мне издали сойти за патлатого...

Проснулся не рано, уже рассвело, а свет был какой-то удивительно белый. Опять я сильно пропотел, в полном смысле слова, облился испариной. Вытерев просохшей на печке горячей майкой лицо и тело, я оделся и слез. Артист храпел на кровати, приоткрыв зубастый рот, разметавшись, как спящий под звездами вольный казак. Одеяло было зажато у него между волосатых ног. Хозяйка топталась на скрипучем полу за дверью в сенях, что-то переставляя, погромыхивая ведрами. Потопталась и ушла на улицу. Земля, трава, крыши домов – все за окном сказочно побелело от изморози. Вот откуда взялось это молочно-белое освещение! Сюрприз погоды поразил меня – еще вчера она была сырой, а пейзаж темным, сумрачным. И я заколебался: идти в лес – не идти, ведь, наверно, опасно это для застуженного человека: с горячей печки да на морозный воздух, – но необъяснимая мистическая страсть грибника пересилила опасение, и я толкнул приятеля кулаком в плечо:

– Вставай!

– Зачем? – спросил он сквозь сон.

– По грибы пойдем.

Артист что-то забормотал скороговоркой, перевернулся со спины на бок и, в иной тональности, продолжил партию храповицкого. Понадобилось толкнуть его настырнее, пришлось хлопнуть по щеке и потрепать по подбородку. Соскочив, как бешеный, с кровати на пол, он схватил себя под мышки, скукожился и запрыгал на месте, пришептывая: «Ой, холодно! Ой, холодно!»

Глянув за окно и увидев изморозь, товарищ мой ужаснулся и с разбегу ринулся назад под ватное одеяло, пружины матраца хрустнули.

– Какие грибы? – заорал он. – Я не враг своему здоровью! «Все бело, грязи нет, санки ладить пора!»! Зима наступила! Теперь уж на будущий год сходим! Спать хочу!

Закрыв голову подушкой, он больше из-под нее не показывался.

А я обул кирзовые сапоги, положил в корзину яблоко и два пирога (хозяйка оставила все это на столе под белой тряпицей и еще чаю нам с артистом погрела). Хотел сразу выпить чаю – мучила жажда, – но вспомнил, что не умылся: поискал глазами рукомойник, да передумал освежаться в избе и с полотенцем на плече отправился во двор. Я для того подробно описываю свое утреннее омовение, чтобы во веки веков прославить русскую народную печку. И без меня ее тысячу раз прославили, но я тоже не хочу отстать. Повторю, что побаивался выходить на заиндевелую улицу – с годами начинаешь беречь здоровье, – а потом с изумлением увидел, что и горло у меня перестало болеть, и кости не ломит, и голова не раскалывается, и в теле такая приятная легкость. Подошел к деревянной бочке, стоявшей под крышей, пробил кулаком ледок и с наслаждением омыл шею и лицо холоднющей дождевой водой...

Лес тут повсюду, он окружает деревню. Я взял свободное направление: вдоль деревни под уклон – и миновал улицу в два порядка домов, а в конце ее, в котловине пересек по мостку быструю речку, с гулом и мелкими водоворотами несущуюся по белым камням. Поднялся в великолепную песчаную гору, на которой росли сосенки и елочки, и скоро вышел к скошенному полю, стерня на нем тоже была в изморози, как в сахарной пудре. Вокруг поля – смешанный лес. Погода стояла безветренная, и неподвижный загадочный лес настораживал, но одновременно так манил, что я не выдержал и, потряхивая корзиной, висевшей у меня на сгибе руки, пробежался по полю до опушки. Здесь тоже росли сосенки и елочки, а меж ними тонкие березы и можжевельниковые кусты. В чаще, среди больших деревьев, было тесно и темно, а на опушке светло и свободно. Удивительно, что трава под налетом изморози оставалась еще зеленой, свежей, мелькали в ней даже какие-то застывшие цветочки. Небо обложили тучи, низко нависшие и в северном направлении сгустившиеся до грозовой черноты. Казалось, тучам не будет конца, но они где-то расступились, и по глазам мне резанул ярчайший свет солнца.

И сразу засверкали нити паутины на можжевельниковых кустах и изморозь на траве, желтая листва берез стала золотой, сияющей, высветилась глубина леса, мертвую тишину нарушил дятел, замолотивший клювом по стволу где-то в поднебесье, и все вокруг сказочно покрасивело, и на душу легла благодать. Но взгляд грибника жадно зашарил по земле. «Какие теперь грибы?» – сказала вчера Полина Ивановна, и мой приятель сегодня повторил; но я нутром чувал: грибы есть, затаились только, и сразу откроются мне, если хоть один найду.

Зрение у меня сейчас не очень острое, но все же я обратил внимание на синевато-желтые круглые нашлапки, украсившие землю между сосенками. Присел, пощупал и ахнул: нашлапки оказались рыжиками! Их было много. Они прижались к земле и легли шляпками на землю и друг на друга. Постучал пальцем по одной шляпке – как по деревяшке. А холодная-то – словно озябшая щека! Ах, вы дорогие мои! Ах, лапушки! Даже руки тряслись, пока срезал каждый гриб, задубеневший от холода. Я его с наслаждением нюхал (у какого еще гриба такой потрясающий сложный запах прелых листьев, сосновой смолы и дикого меда?) и любовался оранжевой изнанкой его шляпки и ярким срезом трубочатой ножки. Очень обрадовался я и удивился рыжикам. Я-то думал, эти грибы в наших лесах все повымерли, раз давно мне не встречались, а они вон, пожалуйста, во множестве растут в окрестностях глухой деревни!..

Побрел по опушке, озирая кочки, ямки и пни, и по примеру своих рыжих товарищей стали выскакивать мне навстречу то розовая волжанка, то черный груздь, то темнокожий масленок, запекшийся сверху, как ромовая баба, то снова рыжик. Пока лиственных деревьев на моем пути было немного, но вот начался березовый перелесок, и землю накрыл плотный лиственный ковер. Листья под ногами хрустывали, как жареный картофель на зубах, чистенькие, разных оттенков янтаря и посеребренные изморозью листья. Сплошь желтые кроны берез, поредев от листопада, были прозрачны и легки, как газовые покрывала, а одна из берез, пла-

кучая, с покрывалом до пят, отступив на поле, издали казалась высоко наметанным круглым стогом соломы.

Искать грибы среди палых листьев – труд нелегкий. Для успешных поисков необходимо отменное цветоощущение. Зато в лиственном лесу часто попадаются подосиновики, подберезовики и белые. Они мне были очень нужны, и не только из-за своих питательных свойств, но и из-за благородной внешности. Веселых-то, озорных, пестро одетых щеголей в моей корзине собралось уже немало, требовались степенные красавцы. Я не люблю, когда на грибы смотрят лишь как на продукт питания. Они должны быть подобраны как цветы. Хорошая корзина с грибами – это произведение искусства.

Первый же найденный мной подосиновик был цвета чайной розы. Он тоже прижался к матушке-земле, согреваясь ее теплом, и его распластанную шляпку перехлестнула травинка. А следующие два подосиновика завораживали сочным морковным колером, с некоторой примесью свекольного. Эти грибы поздней осенью окрашиваются в редкие, пронзительные цвета, у них свое «бабье лето», ножки вот только делаются тонкими да шляпки распускаются как зонты, чтобы укрыть ослабевшие ножки от непогоды. Нашел я и несколько чистых подберезовиков, не поленился собрать разноцветные сыроежки и с большим удовольствием взял в руки ореховик, ласкающий взор грибника своей зеленой бархатной шляпкой и ее лимонно-желтой атласной подкладкой. Белый гриб мне пока не встретился, а без него я редко уходил из леса, даже в плохие урожаи грибов...

Солнце не слишком высоко поднялось над лесом, но пригрело, хотя не могу сказать, что в ватнике мне сделалось жарко. Вмиг растаяла изморозь, палые листья отсырели и смочили головки моих сапог. Надо мной каркнула ворона и пролетела, отбрасывая на землю тень, а в стороне, в ореховых кустах защебетали мелкие пичужки и – чего уж я никак не ожидал – откуда-то взялся и, мотаясь из стороны в сторону, полетел над землей бледный полусонный, слабосильный мотылек. Славно-то как было вокруг! Какие прекрасные лесные виды! Какой свежий воздух! И... ни чубайсов тебе, ни черномырдиных, ни «демократии»!.. Но теперь я задался целью отыскать классический белый. Пятно его шляпки было неразлично в узоре палых листьев; но я знал осенние повадки белого гриба и прежде всего выбрал такой участок опушки, что обрывался к полю ступенькой. Ступенька по опушке леса, бровка, меньше засорена листвой, и осенью белые, во-первых, любят тут, на свету, расти, во-вторых, легче обнаруживаются. Вдоль бровки я и пошел, часто останавливаясь, опускаясь на четвереньки возле каждого подозрительного бугорка, закрытого листком, и вынюхивая белый гриб, как фокстерьер вынюхивает мелкого зверя в норке. Сравнительно долго я ничего не находил. Вместо белых грибов на глаза мне попадались лакированные красные мухоморы, все в белых накрапах, как бы прилепленных к шляпке. Они вытягивались передо мной, красовались и по-солдатски отдавали честь, и я взял пару штук вместе с землицей, травой и листком, чтобы отвезти в город и показать внучке натюрморт с мухоморами.

Вдруг мелькнула коричневая шляпка боровика. Я кинулся к нему, по обыкновению его потрогал, и тут же разочаровался: это был валуй, любитель рядиться под первосортного белого и сбивать с толку грибников. Шельмец смахивал на Егора Гайдара: такой же тыквоголовый, обтекаемый и скользкий. Ладно, пусть растет дальше, перерастает и трухлявет. Опять я стал приглядываться к бугоркам. Один из них, под кучкой листьев, показался мне на ощупь теплее прочих; и сердце мое сладко зануло от доброго предчувствия, а когда я наклонился над крохотным отверстием в вершине бугорка, то мне почудилось тихое дыхание и посапывание. Осторожно раскапывал я бугорок пальцами, и шевелившийся в нем крутолобый увалень недоброво морщился со сна, щурился от яркого света и ворчал: «Спать не дают! Ходят тут всякие!» Я уже понял, что экземпляр мне встретился редкий, но, чем глубже копал, тем больше удивлялся картофельной ядрености гриба и его солидным размерам. Добравшись до корня длинной толстой ножки, я у самой грибницы подрезал красавца ножичком и осторожно извлек

из земли. Голова у него была цвета кофе с молоком, а местами даже почти белая – посветлела в темноте. В моей руке крупный боровик походил на кувалду. Я поцеловал его в маковку и отправил в корзину. Он свысока кивнул своим менее породистым собратьям, а мне наконец улыбнулся.

Всего белых грибов я собрал в эту позднюю вылазку семь штук. Корзина отяжелела и оттягивала руку; но я получил еще не все, что хотел: недоставало мне кое-какой прелестной мелочи, последних ярких мазков в живописной картине «Сокровища осеннего леса». Я знал, где искать эту мелочь, как раз начинались места ее обитания: лиственный лес сменился хвойным, я вошел в его многоколонный зал и осмотрелся.

Сосны и ели стояли тут не очень плотно, но купы их перекрывали небо, и внизу царил полумрак. По стволам матерых деревьев, по их толстой шершавой коре, рос сухой серый мох, похожий на пепел, а по земле, островками, стелился мох темнозеленый, еще сочный. В отдалении мелькнули красные сыроежки, но я к ним не пошел: слишком велики, разлаписты, некоторые же надломились и упали на землю. Высмотрел я немало мраморных моховиков, темнеющих на водянистом срезе, а дальше на посыпанной иголками и шишками земле собрал выводок лисичек, напоминающих цветом яичного желтка скорее маленьких цыплят. Лисички-цыплята очень меня порадовали. Я насыплю малышей наверх, между остальными грибами, когда хорошенько уложу их в корзине, и грибной букет намного покрасивеет.

Но для завершения картины мне нужны были еще те самые нарядные грибочки, ради которых я заглянул в хвойный лес. Они легко оставляют с носом неумелого грибника, но от меня не спрячутся; я знаю, как их выследить, а знание очень простое: ложись на землю животом и, затаив дыхание, смотри. Как заметишь яркий светло-зеленый огонек, сразу к нему бросайся, и помни, что рядом с ним огоньков полно, их надо лишь терпеливо откопать. Грибы эти – зеленухи – как гномы выскакивают на свет Божий из-под земли, и колпаки у них гномьи: широкие, островерхие, падающие грибам на глаза. А вкусны поразительно, в особенности маринованные – ни с чем не сравнимый у них тонкий вкус!

Недолго пришлось мне ползать по земле. Скоро я набрал очаровательных зеленух, подул на каждую, чтобы немного очистить ее от песка, и уселся на пенек перебирать грибы: шикарные уложил наверх, в красивых позах, а меж ними насыпал зеленух и лисичек. Теперь все. Можно идти назад. Я любовался корзиной с грибами, я был счастлив, мне хотелось жить долго. Вот умные головы всё выясняют, что есть счастье, а я думаю, оно состоит в том, что ты поздней осенью, в холодный солнечный день удачно сходил по грибы, и они в твоей корзине лежат один краше другого и все чистенькие, так как утренник выгнал из них червяков. Приятель же мой, чтец-декламатор, пусть ищет счастье во сне на кровати...

Снова выйдя на опушку, я еще бросил в корзину пяток великолепных листочков: красных – осиновых и золотистых – березовых, но вдруг спохватился: времени уже не так мало, и зашел я, кажется, довольно далеко. У грибника всегда так: движется мелкими шажками, ничего, кроме грибов и красоты вокруг, не замечая, но вдруг глянет на часы: ба, четыре пополудни, а дороги, на которую поначалу ориентировался, и в помине нет! Конечно, я не боялся заблудиться, так как накопил опыт хождения по незнакомым лесам. Меня беспокоило лишь то, что поздней осенью скоро темнеет, и если не успеть до сумерек взять верное направление, то есть шанс заночевать в лесу. Такое со мной однажды случилось.

Солнце опускалось все ниже и теперь не рассыпало лучи, а грустно тлело между верхушками деревьев. Его жар стал красным, сохранив некоторое пламенное свечение, как жар догорающего костра. Быстро зрел осенний вечер, а на душе разливалось ощущение недолговечности бытия. Снова потянуло морозцем, и в телогрейке мне стало зябко.

Хорошенько подумав, куда идти, я решил сократить расстояние смелым маршем через лес, но лишь свернул с опушки и углубился в чащу, как отчего-то стало мне не по себе. Пошел медленнее, с оглядкой, чуя рядом живое существо, и неожиданно заметил недалеко от себя в

сторонке крупную серую, с желтыми подпалинами, собаку, похожую на овчарку. Собака прямо, неподвижно стояла перед еловым подлеском и зловеще смотрела на меня.

– Господи, откуда ты тут взялась? – сказал я, собираясь осторожно пройти мимо. – Где твой хозяин?

Она, не сводя с меня глаз, изогнувшись, мягкими скачками забежала вперед и встала на моем пути. Стоило мне сделать еще шаг, как собака свирепо оскалилась, вся оцетинилась, припала на передние лапы и, собирая кожу на морде складками, рыкнула так неслыханно грозно, что я похолодел от страха и попятился.

«А ведь это не собака, – мелькнуло у меня в голове. – Такие собаки не бывают».

Позже, в спокойной обстановке, я вспомнил, что у встреченного мной зверя была необыкновенно густая для овчарки шерсть, особенно вокруг шеи, на боках и хвосте, могучая грудь, при этом поджарый живот и тонкие стройные ноги, слишком длинные клыки и страшные узкие глаза. К счастью, волки, говорят знатоки, на человека зря не набрасываются, даже поздней осенью, когда становятся злыми, но кто знает, что этому могло стукнуть в голову.

– Ладно, не пугай. Я сам отчасти волк. Дай пройти.

Он еще порычал, щелкая зубами, сверкая желто-зелеными глазищами, повернулся и ушел в чащу. А я боком-боком – из чащи, подальше от серого и его товарищей, бродивших, может быть, где-то рядом. Задыхаясь, пробежался я с корзиной по опушке, но грибы сберег, не растряс, а потом ступил на травянистую проселочную дорогу, по которой еще засветло вернулся в деревню.

1997 г.

Ведьмины грибы

Внучке Ане

Лес стоял дремучий, страшный, безжизненный. Хоть бы где каркнула ворона или промелькнул заяц! Верхушки деревьев проросли друг в друга и соединились в плотную крышу. В дебрях чудилось, что на землю опустились густые сумерки; но заходил я в этот лес с нежно-зеленой солнечной поляны, при чистейшем голубом небе, поляну окружали пестроствольные молодые березы, четыре из них собрались отдельно и, взявшись за руки, водили хоровод.

В глубине леса были раскиданы огромные вывороченные с корнями деревья. Около корней, пересыпанных землей, зияли их опустевшие материнские гнезда, черные ямины с рваными краями. «Откуда этот бурелом? Что здесь, в глухом лесу, разгулялся бешеный ветер?»

Я с трудом обходил, перелезал ямины и корни, на каждом шагу спотыкаясь, ушибаясь, царапая лицо. Крепкий грибной запах преследовал меня, я его очень люблю, дрожу от радости, когда пахнет грибами, но теперь мне этот запах все больше не нравился. «Откуда?» Вспомнил: из корзины. Моя плетеная из ивовых прутьев овальная корзина, полная подосиновиков, подберезовиков и белых, до раздражения показалась мне сейчас нелепой: ведь я заблудился и фактически погибал. Я бросил корзину, но она не упала, а скорее, чем я двигался, поплыла на уровне моего лица и исчезла за корявейшими деревьями неизвестных мне пород. Это было немыслимо – то, что корзина поплыла по воздуху! Но вслед за ее плавным полетом случилось обстоятельство еще более удивительное: застывший впереди нижний сухой искореженный сук вдруг кинулся мне под ноги и схватил меня за правую щиколотку. Упав, я стал вырывать щиколотку, но сук держал ее крепко, словно капкан. Я принялся ломать, рвать, расщеплять его и услышал: «Ой, больно!» Освобождаясь от сука, я не сразу понял, что уже проснулся и машу рукой, отбиваясь от жены.

– Будешь вставать, а? Будешь вставать? – Она делала вид, что хочет стащить меня с постели.

Вчера и даже уже сегодня я засиделся над рассказом, стараясь передать в нем, как мальчиком ходил ночью в лес встретить лешего и как на мой ребячий дискант эхо отвечало густым важным басом. Я засиделся над рассказом и теперь очень хотел спать, но вспомнил, что обещал жене нынче отправиться с ней по грибы.

– Ой-ой-ой! – тянулся я. – Сейчас встану!

Она ушла готовить завтрак. Тяжелые, истинно как чугунные, веки снова упали мне на глаза. Я поподчинялся дреме, но затем все же встал. Как-то моментально: раз-раз – мы с женой собрались, достигли леса и пошли по нему с корзинами. Скажу без ложной скромности, я неплохо знаю лес и ловко в нем ориентируюсь. Но сейчас почему-то лес быстро становился глухим, подозрительным, и я думал, «Куда же ты, бывалый лесовик, завел себя и жену? Что случилось с тобой? Может, сказываются твои не слишком молодые годы?»

Жена отстала или, напротив, ушла далеко вперед. Я покричал, но она не отозвалась, крикнул громче, раз, другой, третий, но, как ни поворачивал уши, живого ответа не услышал, только эхо искусственно и игриво полувоспроизвело мои «ау!», «эй!» и «Вера!». Тогда я стал бегать по лесу и звать. Поняв, что заблудился, побрел наугад и скоро встретил страшный бурелом, похожий на тот, что мне привиделся во сне.

Перебираясь через огромные корни и глубокие ямины, тяжело дыша, трогая языком пересохшее небо, облизывая губы, я думал: «Что это тянет, мешает мне?» Я вспомнил: в руке у меня корзина, полная грибов, и отбросил корзину в сторону. Она не упала, но поплыла по воздуху, на уровне моего лица. «Что за чудеса?! Ведь все такое уже было во сне, но теперь-то я не сплю!» Я кинулся вперед со всех ног, несколько раз упал и ушибся. Вдруг сравнительно

далеко от меня из-за деревьев выступило мохнатое чудище на лошадиных ногах. От ужаса я едва не потерял сознание; но чудище, обливаясь слезами, зарыдало и возопило красным ртом: «Погубила ты меня, моя красавица возлюбленная...»

«Ба! – подумал я. – Да ведь оно из «Аленького цветочка» писателя Аксакова, из странной его сказки, полной грусти, жалости и любви. «Зверь не зверь, человек не человек. Руки кривые, на руках когти звериные, ноги лошадиные, спереди-сзади горбы великие верблюжьи...» Мне перестало быть страшно, а сделалось жалко чудище и захотелось его утешить. Но лишь я пожалел его, по лесу пронесся ветер и раздался дьявольский хохот; позвоночник мой захолодел и сократился, как змея, сердце потерялось в груди; закрыв руками голову, я ждал удара.

– Ты, обманщик, будешь вставать или нет? – спрашивала Вера и стягивала с моей головы подушку, которую я держал обеими руками. – Пойдешь в лес или не пойдешь?

Она была по-младенчески свежа, ее большие украинские очи казались более, чем другие части лица, ясными и чистыми, словно Вера намывала их дольше и внимательнее. Мне сделалось перед ней стыдно, и я вскочил на ноги.

«Чертей нет, – говорил я себе, спешно одеваясь, – леших, водяных и колдунов – тоже. Скучновато без них, а сказать об этом совестно. Тайно друг от друга взрослые люди продолжают быть детьми. И взрослые тем более ждут чудес, что им надоедает однообразная повседневная реальность».

Сны кончились; но главная чертовщина ждала меня впереди. Чтобы не испытывать терпение читателя и не сердить его, сразу объявляю: снов в моем рассказе больше не будет, все, о чем пойдет речь ниже, случилось наяву.

Любимый наш с женой, давно обхоженный нами грибной лес находится недалеко от города. Надо ехать на старом дребезжащем автобусе, в который плотно набиваются кроме «сидячих» «стоячие» пассажиры. Потрясаясь в узком его проходе, с корзинами только что не на головах, – ну куда их было тут поставить? – мы вылезли на нужной остановке, сошли с шоссе и повернули на деревеньку, видневшуюся вдаль на взгорье, местами прикрытую, как лоскутами худого покрывала, купами деревьев.

В утреннем воздухе была свежинка, словно исходившая от где-то в низинах с зимы дотаивающего льда, чудесная эта свежинка бодрила и радовала, услаждала дыхание, но не холодила тело. Солнце целило прямо в глаза, то удлинняя, то укорачивая стрелы лучей. В ложбинах белел туман, походивший на снег – столь аккуратно и ровно, совсем не как газ, он наполнял ложбины; чудилось, под туманом, словно под талым снегом – вода. Полевая травка купалась в росе. Лысая тропа в низкой травке привела нас к бревенчатым мосткам через узкую речку перед деревней. За деревней зеленел длинный, плавно изгибающийся пояс леса. По направлению наших взглядов в лес, широко шагая, уходил мощный отряд из ажурных опор высоковольтной передачи, тяжкие, низко обвисшие провода погудывали фантастическим, словно внеземным гудом. В начале деревенской улицы за нами было увязалась сердитая лохматая собачка, державшая хвост баранкой, но, судорожно облаяв ни в чем не повинные перед ней наши ноги, а потом еще поворчав с выставленным желтоватым клыком, отступила. Мы с женой не любим ходить в лес через деревню, неловко прогуливаться по ней в сезон полевых работ; кажется, что сидящие на лавках да завалинках редкие старики и старухи, уже не способные трудиться в колхозе, глядят с укором и молча вопрошают: «Что это вы, такие-сякие, праздно шатаетесь, когда все работают в поле?» Скрываясь от глаз этих престарелых крестьян, мы свернули за околицу и пошли вдоль изгороди, составленной из кольев и жердей, неподалеку от изгороди ходили вокруг кольшков на веревках теленок и коза, один стал мычать, другая заблеяла. Еще довольно большой подъем, еще переход по краю горбатой стерни мимо болотистой канавки с ветловым кустарником, и мы ступили на опушку березовой рощи.

Белых грибов мы тут немного нашли, но потом они и разные другие перестали попадаться. Я предложил пойти в сырую темную низину, в неизученные нами места. Туда вела обросшая травой, малоезженная-хоженная проселочная дорога.

Мы, любители длинных переходов, шли и шли. А дорога, чем ниже, тем становилась мокрее, и скоро под нашей обувью зачавкало, захлюпало; появились канавы с темной водой, в которой плавали сухие веточки, листочки, а иногда скользили, отталкиваясь волосяными лапками, водяные пауки. Внезапно дорога разделилась, каждая из трех ее ветвей выглядела неизведанно, живописно, но особенно поманила нас левая, на нее падало солнце, ее примаскировывал туман, и из тумана на обочинах дороги проступали, высвечивались, а кое-где сияли, точно стальные, частоколы беленьких стволов. Место это сулило замечательные грибы, и мы направились по левой ветви.

Березовая роща оказалась полна воды и буйной непродиристой травы. Грибы, понятно, в воде и траве не росли. Мы быстро вернулись на дорогу, но и она вдруг на глазах стала все гуще зарастать травой, главным образом, осокой, а потом и болотным кустарником. Нам бы пойти назад, а мы, рассмотрев тропу, не то человечью, не то звериную, двинулись по ней в лес, надеясь, что вода и трава быстро кончатся и возникнет настоящая грибная роща, с палым прелым листом и аккуратной травкой.

Лес становился хуже. Скоро из березового он сделался не поймешь каким: тут и некрасивые, матерые, с пепельным старым мхом на толстых стволах, березы, и иссохшие, кем-то ободранные ели, и хилый орешник, и осинник с почерневшей зараженной листвой, и ольха, у которой листва отчего-то скрутилась в трубку. Начали попадаться отдельные упавшие деревья и целые их завалы. Я незаметно поводит жену в разных направлениях, помыкался туда-сюда и увидел, что мы заблудились. Первый раз в жизни я не мог выйти из леса!

Как мне было ни стыдно признаваться в этом, я сказал жене:

– Слушай, а ведь мы капитально заблудились! Просто не знаю, куда идти! Давай постоим, подумаем.

Вера поозиралась.

– Куда же теперь?

– Вот что, ступай посмотри вон туда, не уходи только очень далеко, чтобы аукаться. А я разведаю в другой стороне.

Мы разбрелись и перекликались. Мне почудилось, будто впереди мелькает просвет. Я убедился, что он есть, быстро дошел до него и увидел дикую поляну, где редкий чахлый кустарник перемешался с высокой травой. Крикнул, чтобы жена шла за мной, но ответа не услышал, позвал громче – опять напрасно, побежал назад, аукая изо всех сил, срывая голос – ни одного живого звука, лишь кряхтело и постанывало надломленное дерево, упавшее на плечо здоро-

воту, да словно бы откуда-то доносился колокольный звон – наверное, у меня от волнения и усталости, от быстрой пульсации крови звенело в ушах.

Все-таки я спешил в ту сторону, куда, как думал, направилась жена, шел уже сплошным отвратительным пересошим ельником, рвавшим мой походный пиджак; за шиворот и в волосы на затылке сыпались клещи, я их вынимал и давил в пальцах. Все сильнее меня разбирал не тот сглаженный, умеренный, сонный, а настоящий страх за себя и жену. Что теперь я не сплю, было совершенно ясно: слишком реально отяжелели ноги и сбилось дыхание, слишком ощутимо проводили по одежде, царапали лицо, упирались в грудь прямые острые сучья, жесткие, как зубья вил, слишком натурально хрустел под ногами валежник и пахло гнилью, слишком остро я сознавал опасность.

Засветился новый просвет. Я вышел на большую поляну и посредине ее увидел болото с красноватой водой. Берега болота заросли осокой, камышом и низкими корявыми кустами. Несмотря на пугающую сказочность этого места оно было удивительно красиво. Солнце уже начинало садиться, и на противоположном краю поляны бронзой отливали, лучились корабельные сосны – думаю, у подножия сосен, как и у подножия елей на моей стороне, громоздились бугры и лежали палые деревья, но то и другое маскировалось буйной травой, и на расстоянии виделось, будто впереди – милый сосновый бор. Над болотом полз, курился вечерний туман, в нем можно было разглядеть фантастические фигуры уродов, привидений, демонов. Шишки камыша и выгнутые клинки осоки раскачивались поднимавшимся ветром. «Шш-шш», – с призывком похлестывания шелестела осока. С правой и левой сторон поляны сплошь белели стволы берез, тоже на расстоянии создавая иллюзию, что они принадлежат очаровательным березнякам, а в действительности, можно не сомневаться, едва проходимые, как ельник у меня за спиной и сосновый бор за болотом.

«Куда я попал? Где Вера?»

Я снова принялся аукать, но отвечало мне только эхо, раскалываясь, перекидываясь из одной стороны поляны в другую. Никаких птиц вокруг себя я не замечал, но неожиданно в корзину мою, прямо на грибы опустилась противная черная птица, какая-то больная, что ли, с вылезшими перьями, и несколько раз открыла короткий клюв, не издав ни звука. Я очень испугался птицы и стал ее прогонять: «Кыш! Кыш!», – но она еще не сразу улетела, цеплялась за корзину и била худыми крыльями.

Вдруг я почувствовал: кто-то смотрит на меня. Наверное, и вы внезапно настораживались в безлюдном месте, заподозрив, что за вами тайком наблюдают, вот и я: шагнул и остановился, зафиксировав попытку следующего шага – согнув руки в локтях и наклонясь вперед. Теперь я увидел боковым зрением нечто живое, приземленное, затаившееся. Боясь оглянуться, я постоял в позе сфотографированного на ходу человека, затем повернул голову и прямо встретился взглядом с древней старухой. Присев у полуголого болотного куста, гладкого, лоснистого, словно составленного не из сучьев, а из черных костей, она зорко смотрела на меня круглым совиным глазом. Второй ее глаз был прищурен. На голове этой бабушки чернел платок, завязанный под подбородком, его расходящиеся углы напоминали углы пионерского галстука, на теле чернели юбка с длинным подолом и узкая кофта со множеством пуговиц, нашитых в ряд сверху вниз; нос ее загибался крючком, едва не касаясь верхней губы, на носу вспух круглый темный нарост, подбородок тоже загибался, словно чертова борода; дряблая, как тряпица, щека кривилась и вздрагивала, кривился в усмешке угол блеклого выцветшего рта. Она была костлявой и, наверное, высокой. Если бы я сам не увидел престарелую женщину, в точности напоминавшую колдунью из сказок, я никогда бы не поверил тому, кто рассказал бы мне о такой.

Что и говорить, внешность у старухи была необыкновенная, пугающая. Я остолбенел, но сам не знаю, как вымолвил:

– Здравствуйтесь, бабушка.

– Здравствуй, коль не шутишь, – со смешком или злым фырканьем проскрипела она и пошла вырывать из-под куста синие невиданные грибы, росшие на длинных тонюсеньких ножках. Грибы синели, как лесные колокольчики. Я так и решил сперва, что это колокольчики, только откуда, подумал, они тут взялись? Старуха бросала их в берестяной кузовок, что-то бормоча и посмеиваясь. Я хотел спросить, что же это за удивительные грибы, но не спросил; зато меня осенило сказать ей про обстоятельства, в которых я очутился:

– Бабуся, а не видели ли вы тут одну женщину, мою жену?

– Там! – бросила она, махнув длинной серой кривопалой кистью.

– А в какой же стороне ближайшая деревня?

– Там, всё там! – отвечала она нехотя, недовольно. – Ступай на солнце! Коли ты не девка, а добрый молодец, все постигнешь и все найдешь! Ступай! Беги! Мчись! Что стоишь?

Она тихо клокотала, сердилась и, по-моему, заговаривалась. Я не отважился расспросить ее подробнее и пошел в ту сторону, куда она показывала.

Снова углубился в лес, примерно выдерживая заданное старухой направление и все больше веря, что оно разумно. Диво дивное; но я определенно чувствовал: у меня возбуждается моя интуиция лесовика! Мне становилось легче и радостнее. Прошел я темными зарослями, думаю, еще километров семь, и вдруг выбрался на чистую сухую проселочную дорогу и по ее противоположную сторону увидел изумительную березовую рощу, ту самую, о какой мечтал: с палым прелым листом и тонкой зеленой травкой. Спустились вечерние тени, но, ступив в рощу, я тут же нашел потрясающе толстый белый гриб, с фиолетово-черной запеченной шляпкой, чуть треснутой от внутренней силы. Наклонившись, чтобы его подрезать, я привычно повел глазами и ахнул: белых грибов стояло видимо-невидимо; я сейчас, вспоминая, волнуясь и немного преувеличиваю, но клянусь, никогда больше не встречал сразу столько белых грибов. По одному, по двое и по трое, даже семейками по пять-шесть штук, грибы попадались мне чуть не на каждом шагу, и скоро я, пожадничав, набил ими корзину, сетку и большой полиэтиленовый пакет. Класть грибы стало некуда. Я забыл и про жену; но внезапно мне послышалось в лесу беззаботное пение, и я узрел впереди Веру.

В легкой косынке, резвая, как девочка, напевая и иногда шлепая комара на одетой в чулок ноге, на кисти руки или щеке, жена то и дело опускалась на корточки и срезала грибы.

– Откуда ты взялась? Где была? – закричал я.

Она оставила корзину, побежала ко мне, кинулась на шею.

– Господи? Сам-то куда исчез? Я, как отошла, сразу тебя потеряла! Ох, и напугалась! А потом увидела эту дорогу и этот лесок! Вот только что! Сколько здесь белых! Просто удивительно! Знаешь, это полуостров, оазис! Почти кругом вода, а тут рощица и полно грибов!

– А поёшь отчего, если испугалась?

– Не знаю. Лес дивный, птицы щебечут и белых столько! Собирай скорее, а то кто-нибудь придет и соберет!

Это вечное беспокойство заядлого грибника – что кто-нибудь соберет его грибы, если он сам не успеет.

Я ответил, что набрал уже полно, и у меня тоже неплохое настроение, а прийти сюда едва ли кто придет, хотя близко отличная проселочная дорога, черти, наверное, по ней гоняют на тройках. Я хотел рассказать жене про старуху, но повременил. С трудом неся тяжеленные корзины, сетку и полиэтиленовый пакет, мы стали выходить из леса. Вера предложила идти по дороге, но я снова увлек ее в дурной болотистый лес, и, конечно, очень этим озадачил. Я старался шагать в том направлении, что указала старуха; и уже когда наступили полные сумерки, мы вышли на огоньки именно той деревни, мимо которой направлялись в лес, и именно в том месте, где заходили. Ну и чудеса!

Спустя время я заговорил о лесной старухе, жена меня удивленно слушала и просила все заново пересказать. Тем летом мы еще несколько раз ездили в лес и пытались найти в дебрях

заветное грибное место, да так и не нашли. Не обнаружили мы его и по сей день, через много лет, и уже перестали искать, только рассказываем друзьям и знакомым о случившемся с нами приключении.

Я не ведаю, что мне встретила за старуха, но всякий раз решительно заявляю, что это была колдунья. Они, безусловно, есть, во всяком случае, мне так хочется, только, наверное, больше добрых колдуний, чем злых, потому что, если бы больше водилось злых, то как бы я встретился с доброй: вероятность встречи с колдуньей очень мала. А может, я этой бабушке приглянулся, когда поздоровался с ней, а может, она была в хорошем настроении, а может, повлияло что-то еще. Не знаю.

1990 г.

Мистер Халиль в лесах Владимирщины

Парень, о котором пойдет речь, приехал в Россию из Египта, из Порт-Саида. Это было давно, в восьмидесятые годы. Его отец руководил в Египте каким-то профсоюзом, и Халиль по путевке профсоюза учился в Москве, в Государственном университете. Они там с нашим сыном Александром познакомились и однажды летом махнули в Суздаль, а потом в гости во Владимир. По-русски Халиль изъяснялся правильно, но интересно смягчал букву «л». Он вежливо попросил нас с женой называть его мистером:

– Пожалуйста, если можно... Я так привык. Ваш сын Саша никогда этого не делает, он неисправимо фамильярный...

И мы охотно согласились. Мистер, так мистер, от нас не убудет, тем более, что по большому счету Халиль оказался славным юношей, общительным и веселым. Сын похвастал его особым даром, и арабский гость явил нам свое умение: скинул модельный ботинок, стянул эластичный носок и запросто взял ногой карандаш с моего письменного стола и расписался им на листе бумаги. А потом он вместе с нами захлебнулся от смеха и прозвенел тонким голосом, как колокольчик. Смеялся парень открыто, картинно, запрокидывая голову, показывая все свои белые ровные зубы, я никогда прежде таких замечательных здоровых зубов не видел. А лицо у него, как положено арабскому лицу, было смуглое, шоколадное, губы красные, глаза карие, с поволокой, а на голове шапка черных волос, густых, курчавых, блестящих, похожих на дорогой каракуль...

Хозяйка позвала обедать. Мы расположились в нашей довольно просторной кухне. На первое были щи со свиной, очень вкусные щи, но Халиль не стал их есть, только густо наперчил, попробовал, принялся и отодвинул тарелку. Он вздохнул, нахмурил брови, опустил глаза и поджал губы.

– Что-то не так? – спросила моя жена Вера. – Вам не понравилось?

– Спасибо, – ответил он. – Вы не виноваты...

– Эх, это я виноват! – спохватился сын. – Эх, забыл предупредить, что Халиль мусульманин! Свинину ему нельзя!

– Да, – подтвердил араб. – Коран запрещает...

– Извините! Мне и в голову не пришло!..

Жена растерялась, на второе-то она стоговила тоже непотребное для Халиля блюдо, поганое, по его мусульманским понятиям: картошку, тушеную со свиной, – а больше к обеду подать ей было нечего. Остались блины, но это – на третье, к чаю. Неловкую заминку устранил сам Халиль. Он преодолел свое угнетенное состояние, мило улыбнулся и успокоил хозяйку:

– Ничего, вы не волнуйтесь!

– Стойте! Я вспомнила! У меня еще кое-что есть!

Вера вскочила со стула, бросилась к холодильнику. Я догадался, что жена имела в виду. Накануне мы с ней ходили по грибы и потом ели их, ели, да не доели, остались лисички. Вера достала из морозилки кастрюлю с отварными, готовыми к жарению лисичками и кинула грибы на сковороду, добавила масла, сметаны, соли и зажгла газ.

В сковороде зашипело, зашкворчало, забулькало. По кухне стал распространяться незнакомый Халилю аромат. Парень вытянул шею, заводил носом, заинтересовался. Когда же Вера подала ему тарелку с жареными лисичками, араб поперчил их (он всё посыпал красным перцем, как водится на Востоке, целую баночку привез с собой Халиль едучего красного перца), взял один грибок на вилку, лизнул, надкусил и мигом подчистил редкостное блюдо и попросил добавки.

– О, очень вкусно! – сказал он, обливаясь, замирая от удовольствия. – Я никогда не ел!.. Что это такое?

– Грибы, – ответила моя жена, довольная, что так благополучно вышла из положения. – Они растут у нас в лесу. Нынче грибной год, мы ездим время от времени и собираем.

– Очень, очень вкусно! – повторил Халиль, причмокивая и волнообразно покачивая головой. – Грибы... Они на деревьях растут? Как бананы?

– Нет, под деревьями. На земле, как овощи.

– Я бы хотел увидеть! Когда приеду в Египет, расскажу! У нас не растут грибы!

– Сейчас, – сказала Вера. – Они есть на картинках. Пойду принесу. Своими глазами увидите, какая это прелесть.

Она вышла в гостиную и вернулась со справочником грибника. Справочник у нас был солидный, толстый, объемистый, с крупными цветными изображениями многих грибов на меловой бумаге. Картинки были так хороши, что Халиль долго не мог оторвать от них своих больших карих глаз. Он смотрел и причмокивал, листал книгу вперед, назад и опять вперед. Его душа журналиста (этой профессии араб и обучался в нашем Государственном университете имени Ломоносова), а стало быть, в немалой степени душа авантюриста и художника, уже требовала «натуры», созерцания живых грибов и личного участия в их сборе – для последующего описания этого неизвестного в Египте занятия, – и он неожиданно спросил:

– А вы когда еще пойдете в лес... за грибами?

– Когда? – ответила Вера. – Не знаем... Да хоть завтра. Я учительница, у меня каникулы, муж мой свободный художник, может ненадолго оторваться от своей писанины. Почему же не пойти?

– Тогда и я с вами! Вы меня возьмете?

– Пожалуйста. Правда, милый? (Это мне).

– Не совсем, – ответил я и, обращаясь к Халилю, сказал, что вообще-то жена моя назначила поход в лес опрометчиво (подумал я круче: Вера подложила мне свинью), назавтра поход нежелателен, так как утром я запланировал экскурсию по памятным местам Владимира и уже позвал двух своих знакомых: ученого-краеведа и владельца легковой машины, который повезет нас в Боголюбово, к храму Покрова-на-Нерли.

– Да, – подал голос сын наш Александр. – Я знаю, папа договаривался. Завтра двинем на экскурсию. А послезавтра можно, в случае чего, и за грибами.

– Нет! – запротестовал мистер Халиль. – Не надо послезавтра! Надо завтра! По памятным местам в другой раз! Вот еще приеду, и тогда по памятным местам, а завтра в лес за грибами!

– Что же делать? – сказала Вера.

– Завтра, конечно, на экскурсию! А послезавтра – в лес! – наперекор арабу повторил Александр.

К глубокому нашему огорчению, сын не унаследовал родительской любви к природе, лесу, сбору грибов, и теперь, я видел, он выговаривал себе счастье заурядного времяпровождения в городе, пусть под знаком скучной ему экскурсии (к храму он ездил не один раз), лишь бы комары не кусали и паутины не было.

– Прошу вас, не слушайте его! – загорячился Халиль. – Саша знает, что я приехал на короткий срок! Он это знает и говорит «послезавтра»! Послезавтра я должен быть в Москве!

Заметим, что в описываемые исторические времена свободно разъезжать по нашей стране чужеземцам не позволялось. Собрался сняться с места постоянного обитания в России, будь любезен отметить в милиции, она решит, можно ли тебе ехать туда, куда хочешь, и на какой срок.

– Что же делать? – опять спросила Вера.

– Желание гостя для хозяина закон, – дипломатично высказался я, прикидывая в уме, как бы похитрее ослабить у Халиля его горячее стремление. Я в самом деле договорился об экскурсии, но еще я просто не хотел идти завтра по грибы, ноги мои и без того поламывало после недавнего долгого марша по заклзьяминским пущам. – Только вот в чем дело, мистер

Халиль, день на день в лесу не похож, сегодня есть грибы, а завтра нет, может случиться и так, что на километр выпадет всего один гриб. Один километр – один гриб, два километра – два гриба и так далее. Понимаете меня? Чтобы набрать полную корзину грибов, когда их по одному на километр, какое расстояние надо пройти?

– О, я это хорошо понимаю! – Халиль тряс головой, темпераментно гримасничал и пришептывал. – Это для меня пустяки! Я потомок бедуинов! Мои предки жили в Аравийской пустыне! У меня гены бедуинов, я могу пройти сто километров!

– Но у нас не пустыня, а дремучий лес. Заросли встречаются такие, что иной раз еле продерешься. Можно в два счета заблудиться и погибнуть. Зверья разного полно, волки, медведи, кабаны. Растерзают и сожрут. Еще ядовитые змеи, гадюки и медянки... Одного моего знакомого грибника укусила гадюка, так нога у него через минуту сделалась как бревно и посинела. Сам я однажды провалился в медвежью берлогу, медведя там, слава Богу, не было. А то раз возвращаюсь из леса и вижу на еловом суку собачью голову, а на земле – туловище, лапы и хвост. Лихие люди у нас водятся, лесные разбойники...

Я старался говорить на полном серьезе, без малейшей улыбки, но, между прочим, в некоторых случаях не так уж сильно сгущал краски: собачью голову, надетую на сук, я действительно видел, правда, в заброшенном саду. Жена моя, доверчивая и правдолюбивая женщина, с осуждением поглядывала на меня, а сын, делая вид, будто верит всему, что я говорю, и очень пугается, ерзал на стуле и искусно менялся в лице.

– Не-ет! – завопил Александр. – Я в лес не пойду! Пропади он пропадом! Никаких грибов не надо, мне еще пожить на свете хочется! Давай, Халиль, завтра отправимся на экскурсию, а потом как-нибудь снова нагрянем во Владимир и поедem в лес на броневике!

Араб глянул на него сердито, не заметил, наверное, что Саша шутит, а может быть, по своему вступил в игру.

– О, не пугайте меня дремучим лесом! – заговорил он. – Не пугайте вольками, медведями и змеями! Вы забыли, откуда я приехал! У нас в Египте течет река Ниль, а по берегам Нилия есть такие дремучие леса, где... не ступала нога чelёвека! Там львы, леопарды и крокодилы! Там страшные змеи! Там дикие люди! Что медведь или вольк по сравнению со львом, скажите мне? Что гадюка по сравнению с гремучей змеей? Что разбойник по сравнению с диким чelёвеком, охотником за черепами?..

– Простите, мистер Халиль, но джунгли от Порт-Саида, по-моему, далековато. – Я восстанавливал в памяти свои географические познания. – Это ведь не просто на Ниле, а в его истоках, правильно? Белый Нил, Голубой Нил... Со школы еще помню. Это уже даже не в Египте, а в Судане и, кажется, в Уганде, так?

– Все равно Ниль! – араб весело смеялся. – У нас тоже опасности! В Аравийской пустыне кобра, а в море акулы! В море у Порт-Саида... рискованно купаться, если не там, где можно! У вас в лесу укусит гадюка, и нога опухнет, а у нас в море акулы совсем ногу откусят! Ам – и нету!

Мы все посмеялись вместе с ним, хотя чего уж смешного в том, что на родине Халиля акула может отхватить купальщику ногу!

– Я ничего не боюсь! – сказал он. – Пожалуйста, пойдemте в лес!

– Ладно, уломали! Взяли измором!

Я поднялся со стула и позвонил по телефону, сказал краеведу и владельцу машины, что экскурсия у нас отменяется, прошу извинить за беспокойство. Для сына сразу нашлись и обувь, его же, поношенная, и одежда попроще, а гостю я предложил обуть завтра мои яловые сапоги и надеть старые черные брюки с курткой защитного цвета. Так мы полушутя-полусерьезно и согласились с Халилем на том, что пойдem завтра по грибы. Дали ему и корзину, и ножик. Осталось дожидаться утра.

Конечно, перед иностранцем следовало щегольнуть собственным дорогим авто, но машины у нас сроду не было. Мы пошли на автобусную станцию, купили билеты и поехали в судогодские леса. Сын сидел с мамой. Мы сидели с Халилем. Араб непрестанно глядел в окно, улыбался и, восхищаясь придорожными лесными пейзажами, говорил по складам:

– Хо-ро-шо!

У него был с собой фотоаппарат, Халиль на ходу раз-другой щелкнул затвором, но потом воздержался фотографировать сквозь запыленное окно. Зато, когда сошли посреди дороги с автобуса, свернули в сторону и по наезженному проселку стали углубляться в лес, араб заработал фотоаппаратом налево и направо. Он снял чистенький живописный проселок, опушку березовой рощи, какую-то птаху на суку, нас всех вместе и каждого в отдельности, а потом Александр его самого сфотографировал. Утро выдалось ясное. Солнце поднималось все выше и золотило лес; играли светотени, наперебой чирикали птицы, утренний ветерок разметывал верхушки деревьев, а на дороге едва чувствительно касался наших лиц. Халиль радостно смеялся, что-то с завываниями пел на родном языке и даже танцевал, кружась, двигая бедрами, вскидывая над головой корзину. В яловых сапогах и моей потертой фетровой шляпе, из-под которой выбивались его черные волосы, смуглый и белозубый, он напоминал бродячего русского цыгана, правда, я не видел цыган с грибными корзинами и, тем более, с фотокамерой на шее, обычно они ходят налегке и изредка с гитарами, а вещи несут их жены.

Грибы стали попадаться нам скоро. Я увидел на обочине дороги белый боровой, Вера нашла подосиновик, и сын что-то кинул в лукошко. Но всех обскакал иностранец. Бега по краю леса, он выдрал с корнем десятка два мухоморов и бледных поганок, возгордился и похвастал перед нами:

– Много у меня! Красивые!

Вера всплеснула руками.

– О, Боже! – сказала она. – Да это же грибы ядовитые, смертельно опасные! Выбросьте их скорее, выбросьте! И больше никогда не берите!

Араб поглядел на нее недоверчиво, и Вера сама выкинула мухоморы и бледные поганки из его корзины. Нам бы с Александром посочувствовать приунывшему африканцу, а мы переглянулись и бессовестно захихикали. Халиль заметил и обиделся, но ненадолго.

Пришли на наши с женой сокровенные места. Особенно мне нравились тут холмистые поляны. А под ними в ложбине текла мелкая речушка, в ее узком месте плотно набились палые сучья, и по ним, как по мосту, мы перешли на тот берег. С одной стороны над поляной высился сосновый бор, с другой стояла березовая роща, а с третьей смешанный лес. Прекрасное было место для сбора грибов и умиротворения души. Я до сих пор навещаю туда.

Халиль быстро постиг, какие грибы надо брать, а какие не надо, и в руках у него замелькали подосиновики, подберезовики и даже белые. Горели от восторга его глаза, звучал развеселый Халилев смех, а между делом щелкал затвор его фотоаппарата. Русский лес очаровал араба, необыкновенный воздух усладил его легкие, свобода раскрепостила, а грибная охота с головой увлекла пылкого жителя Ближнего Востока. Халиль не курил, и ему показалось кощунством, когда среди неопишуемых красот и интереснейшего занятия наш сын воткнул в рот сигарету и задымил. Араб выхватил у него изо рта сигарету и велел погасить. Он обращался с Александром как старший с младшим, хотя разница у них в годах была незначительная. Александр что-то буркнул, но подчинился, а, отойдя, снова закурил.

Грибовросло много. Я думаю, мы доверху набили бы ими корзины, бродя по окрестным полянам и опушкам; но Халиль, от радости ошалев, стал далеко и надолго отходить от дороги. Оклика нашего гостя, мы потянулись за ним, чтобы не заблудился, и незаметно сбились с пути. Только я один встревожился, только я, опытный ходок по лесам, нутром почуял, что вернуться на дорогу нам будет затруднительно, остальным это в голову не пришло, спутники мои искали грибы, оглашая лес перекличкой с Халилем. Больше всех кричал араб:

– Ау! Я гриб нашель!

Это ему явно нравилось – весело кричать в лесу.

Не мешкая, я собрал всех и удивил тем, что предложил возвращаться домой.

– Времени за полдень, – говорю как можно спокойнее. – Корзины почти полны. Пока идем до шоссе, еще немало грибов попадет. Так что давайте, ребята. Наскоро перекусим – и айда.

Халиль опустил углы губ, сморщился, огорчился, как малое дитя:

– Ой! Очень жалько! Лес красивый! Плякучие березы!

– На обратном пути тоже встретится красивый лес, – осторожно стоял я на своем, – может, еще красивее. Плакучих берез у нас растет сколько угодно.

Обычно мы с женой не спешили уйти из леса, наслаждались им в полную силу. Вера поняла, что дело неладно, но вида не подала и согласилась со мной.

– К тому же мистер Халиль с непривычки устал, – добавила жена.

– Нет! – крикнул араб и, покосившись на даму, выпятил грудь. – Не усталь! Не забывайте: Халиль – потомок бедуинов!

– Тогда вперед! – Наш Александр, как вождь, протянул руку. – Представим, что мы погонщики верблюдов и топаем с караваном по барханам Аравийской пустыни. Халиль проводник, а впереди сто километров пути.

Он еще панибратски мигнул Халилю, двинув и щекой, и углом рта.

– Не надо, Саша, все время шутить! – Араб посмотрел на Александра свысока. – Это надоедает! Бедуины не погонщики! Они скотоводы и воины! Скачут по пескам на верблюдах, лёшадях или много дней идут пешком!..

Мы даже не присели, чтобы поесть, взяли по бутерброду с плавленым сыром, по яблоку и пошли. Халиль опять всех увлек, не стоялось ему и не сиделось, но я был не против того, чтобы шагать назад без остановок. Я, конечно, не боялся, что мы не выйдем к шоссе. В безоблачную погоду даже в дремучих судогодских лесах заблудиться по-черному мудрено: держи все время на солнце и не заблудишься. Конечно, если тучи заслонят солнце, то, не ровен час, проплутаешь до темени и заночуешь в лесу. И еще одна неприятность подстерегает застрявшего в чащобе грибника: он держит на солнце, а светило перемещается к Владимиру, и, нерасчетливо следуя за ним, грибник может сделать крюк в лишней десяток километров...

Я показал, куда идти. Опять мы искали грибы и аукались. Халиль набегался и стал хромать на правую ногу. Сапоги ему, оказывается, были великоваты и немного болтались у него на ногах, а в пути, известное дело, какое-нибудь «немного», усугубляясь, легко превращается в беду.

– Мистер Халиль! – крикнул я. – Снимите-ка сапог! Давайте посмотрим, в чем там у вас дело! Может, стоит травки подложить или бумаги, чтобы ногу не натирало?

– О, не надо беспокоиться! – прокричал он в ответ. – Это для меня пустяки! Сыны пустыни, говорил мой дед, выносливы, как верблюды, и не боятся смерти! Дед был мудрый человек!

– Ну, вы тоже скажете! О смерти-то рано думать! Снимите, снимите сапог! Пустяки не пустяки, а ногу сотрете до крови и не сможете идти дальше!

Халиль послушался и приковылял ко мне. Опустил на землю корзину с грибами, сел, где стоял, и, смущенно улыбаясь, скинул с ноги сапог. Ступня его не очень большая, аккуратная была обтянута тонким нейлоновым носочком, бордовым, в черную полоску. Этот красивый носок я заметил на африканце, когда он брал ногой карандаш. Значит, парень пренебрег моими бумажными, пусть немного рваными, носками, которые я ссудил ему по паре на каждую ногу. Как же я не обратил внимания, что он столь легкомысленно снарядился для похода в лес?

– Вот, – сказал Халиль, поглаживая ступню. – Шель, шель – былё хорошо, потом сталё не очень хорошо и совсем плёхо.

– Извините, но вы же не малый ребенок! Вы взрослый человек! – Я не сдержался, повысил голос. – Разве можно так в лес собираться? Почему не надели простые носки? Было бы мало, пожалуйста, берите еще портянки!

– Забыль надеть! А когда вспомнил, побоялся сказать! Думаль, рассердитесь и в лес не возьмете!

– Что вот теперь делать? – сказал я. – Что вот теперь?.. Снимайте и носок быстрее!

Араб послушно снял носок. На пятке он успел натереть кровавую мозоль, набрякшую и готовую лопнуть, как опившийся крови лесной клещ.

Я хотел позвать жену на помощь, но передумал: Халиль, наверно, застенялся бы женщины. В лесных походах у меня всегда была с собой чистая тряпица – на случай, если придется вытереть руки или потное лицо, – я вынул тряпицу из кармана, разорвал и одной половиной обернул намозоленную пятку араба. Потом я нащипал мягкой травы и приложил ее Халилю к перевязанной пятке прежде чем он натянул носок, а за ним сапог. Он встал, притопнул стертой ногой и засмеялся.

– Хорошо! Спасибо!

Я велел ему перевязать, утеснить и вторую ногу. Халиль сделал это, и мы продолжили путь. Он было опять рванулся вперед, но скоро остыл, образумился, поостерегся. Небо, слава Богу, оставалось чистым. Солнце все время светило нам, как проблесковый маяк, мелькая между деревьев. Постепенно мы собирались вместе. Лес становился мельче, гуще, глуше. Я не шутил, когда предупреждал Халиля, что на Владимирщине есть дикие заросли, тут я был вполне откровенен. Такие заросли на беду встретились нам. Мы попытались сквозь них пробиться, отворачиваясь от ветвей, чтобы защитить глаза, и напирая на сучья где плечом, где спиной, однако за час ушли недалеко. Тут еще было полно травянистых кочек, сразу и не поймешь, что это кочка, думаешь, просто растет трава, но с разгону споткнешься о «траву» и, роняя корзину с грибами, летишь головой вперед, повисаешь всем телом на упругих ветках и запутываешься в их сплетении, как в сетях.

Мы обливались потом, тяжело дышали, ведь ко всему стояла летняя жара. Я подбодрил Халиля, жену и сына:

– Ничего. Скоро выйдем в хороший лес, а там и до шоссе недалеко. Давайте-ка передохнем и попробуем обойти мелколесье стороной.

«Знать бы, в какую сторону идти, – подумал я. – Мелколесье, может быть, тянется на несколько километров. Можно проплутать в нем до темени. Вот так сводили иностранца по грибы! Вот так прогулялись по лесу! Что Халиль подумает о нас? Какая у него останется память об этой прогулке?»

Сели кто на кочку, кто прямо на землю. Я даже полуприлегал, и по натруженным моим ногам пошла разливаться истома. У нас оставалось немало еды. Вера вынула из сумки по огурцу, яичку и куску хлеба, соль в спичечном коробке, воду в пластиковой фляжке, и мы стали перекусывать. Станным, я думаю, показалось бы случайному человеку это перекусывание в густых зарослях, где едоки были отделены друг от друга ветками, как прутьями решетки.

Похрустывая огурцом, Халиль произнес свое любимое:

– Хо-ро-шо!

– Отлично, – сказал наш сын. – Вот тут-то, между прочим, в этих самых дебрях, всякое зверье и копошится! Тут волк может из кустов выскочить или кабан-секач! А то и медведь выйдет вперевалочку! А уж змей ползает – не счесть! Вон, вон, вон ползет гадюка! Прямо мимо твоей ноги! А там чьи-то глаза сверкают и зубы щелкают!..

Араб отдернул ногу и завертелся на кочке.

– Перестань молоть чепуху! – рассердилась на сына Вера. – Ты шутишь, а мистер Халиль может подумать, что говоришь правду!

– Зачем пугаешь человека? – для порядка проворчал и я. – Что за манера?

– О, нет, я не боюсь! – как-то слишком бодро и звонко защитил араб свою честь. – У нас кобры и скорпионы, у нас страшный самум, у нас акули!.. Бедуины не боятся!..

Когда он повысил голос до фальцета, при этом, жестикулируя обеими руками, слишком резко дернулся, в зарослях папоротника, рядом с нами, подпрыгнула на месте пара довольно крупных зверьков. Эти зверьки, белые, с желтоватой подпалиной, не выдержали страстной речи Халили и перестали таиться. Они метнулись один за другим из папоротников и, прижав к голове длинные уши, задали такого стрекача, что треск пошел по лесу.

Все мы, конечно, вздрогнули. Еще бы! В дремучем лесу, в диком переплетении веток, в лешачей глухомани, где и птицы не щебечут, где от мертвящей тишины и сказочного полусвета на сердце делается тревожно, вдруг кто-то рядом с тобой выскакивает, как из-под земли! Халиль же вместе с зайцами подпрыгнул на месте и тоже едва не побежал. Лицо его перестало быть шоколадным и приобрело цвет кофе с молоком, рот ему искривила то ли нервная судорога, то ли попытка беспечно улыбнуться.

– Ай! – фистулой произнес он. – Кто... это?

– Зайцы, – ответил я. – Тут их полно.

– Зайчишки, – добавила Вера ласково. – Самые безобидные на свете существа. Никому нет от них никакого зла. Сами до смерти боятся, как бы их кто-нибудь не обидел.

– А вольки?..

– Ну, волки, наверно, тоже есть, в этакой-то глуши. – Врать я не хотел, серые, скорее всего, тут водились, – но на людей они в летнюю пору не бросаются. Сейчас волки сыты и благодушны.

– Слява Алляху!.. О, нет, я не боюсь, но... слява Алляху! Аллях милёстив!..

Отдохнув, пошли дальше. Я решил взять вправо. Все меня слушались, как записного проводника. Конечно, я делал вид, будто все прекрасно знаю наперед и несколько не сомневаюсь, что идти надо так, а не эдак. Спустя полчаса мы стали выбираться из непролазной чащи, показался просвет, мелькнули стволы мачтовых сосен, под солнцем отливающие золотом высокой пробы. И вот мы вырвались в сосновый бор, светлый, просторный, благородный. Здесь после тесного мелколесья легко дышалось; вокруг щебетали птицы, а над головами у нас дятел бил клювом в матерое дерево, дробно так, словно отбойным молоточком. Вера крикнула ура, Александр почему-то дико заорал, словно кидаясь в бой со знаменем в руке:

– Да здравствует революция!

Они с Халилем обнялись. Араб опять запел, заплясал, но, ойкнув, сел на землю и стянул с ноги сапог.

К нему наклонилась Вера. Он без сопротивления подставил ей намозоленную ногу. У Веры был с собой бинтик, она лучше и, конечно, нежнее меня перевязала Халилю пятку. Уж он благодарил-благодарил мою жену, даже руку ей поцеловал, а потом пожаловался, что у него саднит кожа на икрах ног. «Огнем горит», – очень точно выговорил египтянин наш идиоматический оборот, видно, уважал русский язык и старался познать его глубины, секреты и особенности.

Вера попросила его поднять штанины. По худеньким икрам Халили словно кто-то провел мелкозернистой наждачной бумагой, они покраснели, воспалилась. Забыл упомянуть про тщедушное телосложение нашего гостя: ноги, руки, шея тонкие, грудь впалая, плечи узкие, а голова большая, несоразмерная, сразу видно интеллектуала, работающего мозгами и редко напрягающего мускулы. Наш Александр, высокий, пропорционально сложенный, рядом со своим товарищем выглядел богатырем.

Вера забинтовала Халилю икры. Я отогнул ему голенища сапог, и их черное поле украсилось желтой окантовкой. Он сказал, что теперь чувствует себя очень хорошо, но пошел тяжелее прежнего, нога за ногу, неся корзину с большим перевесом на одну сторону, словно ведро воды. Споткнулся. С корзины упали на землю грибы, и египтянин, кряхтя, как старец, медленно,

неловко подобрал их. Бор сменился прекрасным лиственным лесом, с солнечными полянами и полюбившимися Халилю плакучими березами. Наполнив корзины, мое семейство развернуло пластиковые пакеты, а он от усталости уже не замечал грибов или больше не думал о них.

Потом гость начал здорово отставать. Пришлось сбавить шаг. Он нас догнал, но скоро опять намного задержался. Мы остановились, подождали. Араб приблизился, хромая теперь на обе ноги, и сообщил:

– Ноги стали плёхо идти. Не слышатся.

Чтобы поддержать его дух и самолюбие, я произнес:

– Ничего тут нет особенного. Это с непривычки. Мы с женой всю жизнь по лесам бродим, и Александр много раз с нами ходил. А вы, мистер Халиль, в лесу впервые, как я понял?

– Ага, впервые.

– Ну, тогда понятно. Это все равно как если бы мы впервые попали в Аравийскую пустыню. Тоже, наверно, скоро бы притомились и не попевали за бедуинами.

– О, да! Не попевали!..

– Халиль, друг мой, дай мне свою корзину, я ее понесу, – сказал арабу наш сын. – А ты возьми палку покрепче и иди с ней, опирайся обеими руками.

– Нет! – Халиль убрал корзину за спину. – Я сам! Каждый должен... нести свой крест!..

Он потащился за нами фигурной поступью, зигзагами. Оборачиваясь, я видел, что положение его корзины меняется: то на плече Халиль ее держит, то на голове, то на груди, и сбоку, и – обеими руками – перед собой. А тут, как назло, встретился нам глубокий овраг, сухой, чистый, затененный, поросший березами и елями. В другое бы время мы с удовольствием спустились и взобрались по его крутым склонам, на которых тоже родятся отличные грибы, но сейчас все мы шатались от усталости и лезли вверх чуть не ползком, со сдерживаемыми проклятиями, а Халиль совсем терял силы, и остальным приходилось поддерживать его и подбадривать.

– Не упрямитесь, давайте корзину! – попробовал и я облегчить ему страдания. – Я пока понесу, а вы отдохните!

– Нет, вы не должны! Я должен сам!..

– Но когда тяжело, люди помогают друг другу! Это в порядке вещей! – Я уже больше злился на африканца, чем жалел его.

– Нет, нет и нет! – отвечал он. – Вам тяжело и... без меня.

– Ну хоть фотоаппарат отдайте! А то ходите с ним, словно с камнем на шее!

– Не дам! Надо... иметь совесть!

– Значит, – говорю, – бедуины не сдаются?

И невольно улыбаюсь. Невозможно сердиться на Халиля по-настоящему.

– О, да! Бедуины самый выносливый и смелый народ!..

Едва осилили балку, как парень исчез. Спohватившись, что шагаем по лесу втроем, мы с женой и сыном стали оглядываться по сторонам, аукать и прислушиваться. Халиль не отзывался.

Больше всех встревожилась Вера.

– Не случилось ли чего? – сказала она.

Я ответил, что случиться ничего не могло. Халиль спокойно сидит где-нибудь, отдыхает, просто нет у него сил подать голос. Пойду поищу его.

– Папа, я с тобой, – сказал сын.

– Хорошо. Пусть мама отдохнет, а мы по лесу порыскаем. Думаю, сейчас же разыщем твоего приятеля. Недалеко еще ушли.

Мы с Александром вернулись метров на сто назад и наперебой закричали:

– Халиль! Мистер Халиль! Ау!

Довольно скоро араб откликнулся, жалобно, но многословно:

– Здесь я! В кустах! Я догоню!.. Пальку себе нашёл! С палькой пойду, как Саша советовал!.. Сапоги исправляю! Неправильные! Плёхо сшиты!..

Пошли на голос. Раздвинули кусты. Халиль, разутый, в одних носочках, сидел на земле с краю оврага, а возле него, опасно наклонившись, стояла корзина с грибами. Держа сапог у живота, он тупым ножом, который мы ему дали подрезать грибы, пилил голенище от кромки к головке. Другой сапог, уже распиленный, валялся рядом.

– Что вы делаете?!

– Исправляю!.. Икры больно!

– Так это же мои сапоги, а не ваши! Как вы можете чужую вещь кромсать?

– Я понимаю! Извините!..

– Все дело в том, – процедил я, сдерживая зубовой скрежет (ох, и жалко было любимые сапоги!), – что голенища, уважаемый мистер Халиль, вам не тесны, а наоборот, слишком просторны! Ноги у вас тонкие, понимаете? Как спички ноги! Голенища лупят по икрам на ходу, вот и натирают их! Зачем же резать?

– Ай-яй-яй! – сказал Александр.

Надув губы, Халиль обулся и отогнул разрезанные голенища чуть не до самых головок. Уже не спрашивая разрешения, я взял его корзину с грибами. Араб попытался встать, опираясь на палку, но не смог. Александр наклонился и подставил шею под его руку. Я посоветовал египтянину бросить костыль и подставил шею под его вторую руку. Мы повели гостя медленно, осторожно, как раненого с поля боя, и не без труда доставили к Вере. Она еще раз перевязала болячки Халиля, приговаривая:

– Ничего, ничего, миленький, потерпите! Дома я ваши мозоли целебной мазью помажу, и сразу все пройдет!..

Приближалось шоссе. Рокот моторов доносился до нас и раньше, издалека, но тогда мы думали, что слышим пролетающие где-то самолеты. Мы оживились, ободрились, но прибавить шагу нам не удалось: Халиль не мог двигаться быстрее, хотя и очень старался. Разрезанные голенища, цепляясь друг за друга, мешали переступить его и без того заплетающимся ногам. Он скинул сапоги, взял их под мышку и пошел в одних носках. В красивые его носки были заправлены мои потертые выцветшие брюки. А солнце, утрачивая золотую лучистость и тусклость, все больше склонялось к горизонту. Оно, наверно, зависло над Владимиром, и держать на него уже не имело смысла. Мы взяли в сторону, на фырчание моторов и шелест колес. Еще через полчаса миновали последний ряд деревьев, свалились в кювет и, собрав последние силы, вылезли из кювета. Глянули на дорогу – автобусной остановки не видать, посмотрели на часы, прикинули, где находимся, и определили, что протопали по лесам километров тридцать. В алых носках, разрисованных черными полосками, с сапогами под мышкой и фотоаппаратом на шее Халиль вышел на шоссе и принялся голосовать. Он так удивительно выглядел, так нелепо расставлял ослабевшие, подогнутые в коленях ноги, и так яростно голосовал сперва одной, потом обеими руками, взяв в них по сапогу, что ни один водитель не хотел останавливаться. Потом, едва не наехав на араба, затормозила легковушка. Шофер высунул в форточку голову, покрутил пальцем у виска и накинута на араба:

– Ты что, дурак? Жить надоело?

– Не дурак! Не надоелё жить, но скоро умру! – заорал египтянин в ответ. – Я устал! Поедем скорее домой!..

Сообразив, что это междугородное такси, я сердито крикнул ему:

– Прошу прощения! Зачем вы такси остановили? Обычных машин вам мало? И рейсовый автобус сейчас пойдет! На такси у нас нет денег!

– Да, мистер Халиль, вы поторопились! – сказал Вера. – Извините, водитель! Поезжайте дальше! Денег у нас с собой маловато!

– Что мы, рокфеллеры, что ли, ездить на такси? – добавил Александр и, наклонясь к шоферу, сморозил: – Халиль – с Марса! Его не надо обижать!

Возможно, таксист все-таки уехал бы, он гнал порожняком и, судя по всему, торопился куда-то, но араб уже открыл у легковушки заднюю дверцу и, не дожидаясь разрешения, пыхтя и что-то сердито бормоча, напролом полез в машину.

– У вас-то хоть самого деньги есть? – опять крикнул я ему.

– Нет денег! – захрипел он, оборачиваясь, вытаращивая налитые кровью глаза и облизывая запекшиеся губы. – Один доллар! Садитесь! Надо ехать скорее!

– Доллар не годится, – хмуро сказал шофер, парень с усами и хорошо подбритыми баками. – С ним у нас в стране могут арестовать, но, подумав и через плечо покосившись на иностранца, он всех усадил в машину и включил скорость.

На закате дня мы с шиком подкатали к своему подъезду. Я велел Халилю обуть сапоги. Нельзя же было, в самом деле, допустить, чтобы заморский гость прошел в носках мимо жильцов нашей шлакобетонной пятиэтажки! Вера и Александр повели араба домой, на четвертый этаж, а я, чтобы заплатить таксисту, побежал занимать деньги у соседей.

У всех так пересохло во рту, что сперва мы пили, хлестали воду и долго не могли напиться. Потом Александр с Халилем, не переодеваясь, ушли в гостиную, сели перед телевизором и заснули, а мы, старшие, усталости не знающие, выпив по чашке крепкого чая, вполне пришли в себя и стали разделять грибы. Весь пол в кухне был застелен газетами и завален грибами. Груды волнушек и груздей мы отобрали для соления, груды подберезовиков и подосиновиков для отваривания, двести штук белых для сушки, и еще немало у нас осталось для жарехи.

Спускались сумерки, но света уличного пока хватало. В кухне сушились, варились и жарились грибы. Аромат стоял такой, что на следующий день нам о нем докладывали соседи.

Когда грибы поджарились, и Вера подала их с картошкой, мы позвали Халиля и Александра ужинать.

– Поешьте – и в постель! – крикнула Вера из кухни.

– Просим господ к столу! – добавил я.

Сын явился сразу и, зевая, потягиваясь, спросил:

– А Халиль где?

– Как где? – сказала Вера. – Вы с ним вместе телевизор смотрели! Там же, наверно, в кресле и спит!

– Да нет его! Я думал, он к вам ушел!

– Интересно, где он может быть? – сказал я. – Мистер Халиль! Мастер Халиль! Эй!

Араб не отозвался.

Пошли искать. Заглянули во все углы гостиной. Открыли двери на балкон, на лестничную клетку. Полезли в чулан и в платяной шкаф в прихожей. Проверили туалет с ванной. Нигде гостя не было. Как-то мы сразу не подумали о том, что он может прятаться в супружеской спальне. Что ему там было делать? В спальне у нас стояли только кровать, тумбочка, кресло и журнальный столик, даже дивана, чтобы, не раздеваясь, прилечь, не имелось. Однако зашли, посмотрели вокруг и задержали взгляд на кровати. Она, как с утра ее застелили синим тканевым покрывалом, так и осталась застеленной, но на ней кто-то похрапывал, и в изголовье из-под сморщенного покрывала выглядывала моя старая фетровая шляпа, а в изножье торчали разрезанные яловые сапоги, целясь мысами в потолок.

– Вот это да! – зашумел Александр. – Мы его ищем по всей квартире, а он тут припухает!

– Тсс! – сказала Вера и поднесла палец к губам.

Она разула крепко спящего Халила, сняла с него измятую, пропеллером закрученную шляпу. Он пошлепал во сне губами и, глотая слюну, пробормотал:

– У нас акули, у нас крокодили!.. Бедуины смелый народ!..

– Бедный мальчик! – прошептала моя жена. – Не нашел сил разуться и снять шляпу!

В глазах у нее блеснули слезинки, и я убедил жену совсем молодой, склоненной над кроваткой нашего младенца-сына.

– Да, – сказал я тоже шепотом, – натерпелся малый. Настрадался. Последние метры до чужой супружеской постели преодолел в тяжелой прострации. Однако в лесу держался молодцом.

– Наш человек, – подытожил Александр. – Дадим поспать ему всласть. Проснулся бы только к утру. А то он завтра должен в Москву возвратиться.

Мы с Александром еще повернули Халила со спины на бок, чтобы не храпел, и на цыпочках вышли из спальни, хотя предосторожности, я думаю, были ни к чему: гость не проснулся бы и под пушечную кононаду.

Десять лет спустя. Последние строки письма к нам от Халиля из Порт-Саида:

«Время, проведенное с вами, дорогие друзья, было самым счастливым в моей жизни! Я запомнил его навсегда и описал в статье, которая принесла мне известность! Прошу извинить за испорченные сапоги! Посылаю сто долларов в возмещение убытка. Пожалуйста, без обиды примите! Ваш мистер Халиль!»

И подпись по-арабски.

1997

В грибах спасение

Один мой хороший знакомый, москвич, родившийся во Владимире (я его тут буду называть вымышленной фамилией Петров, чтобы не бросить тень на человека), рассказал мне, как однажды вздумал покончить жизнь самоубийством и с этой целью поехал в лес. Он привязал к суку веревку, надел петлю на шею и соскочил с пенька, но грибы, собравшиеся под виселицей, не дали ему погибнуть...

– Я еще, как видишь, не слишком стар, всего-то пятьдесят пять лет. А главное, совершенно здоров, нигде по-настоящему не болит, и зубы пока свои, и волосы целые, хоть и седые. Не знаю, как эта несусветная глупость: взять и удавиться – втемяшилась мне в ученую голову, – самоуничижительно вставил Петров.

Ученой он назвал свою голову в академическом смысле: Петров давно уж доктор технических наук и профессор.

– По-моему, ты просто сошел с ума, – ответил я ему.

Петров согласился:

– Пожалуй, так оно и было. Временно спятил. И почему-то я представил себе единственный способ самоумерщвления: через повешение... Правда, последней крайности я все-таки избежал, не в пример одному самоубийце, про которого мне рассказывали. Тот довел дело до конца, но не в этом соль. Перед смертью он ежедневно чисто брился, ходил на работу в свежей рубашке, при галстук и всем приветливо улыбался, а сам тайно плёл веревки, намыливал и прятал в укромных углах...

Знакомый мой навестил мать, до сих пор проживающую во Владимире, зашел по старой памяти ко мне, и мы с ним беседовали на кухне, за выпивкой, разумеется, которую, между прочим, закусывали солеными грибами. Жена моя Вера, слегка поддержав компанию, оставила нас вдвоем, но время от времени заходила и мило интересовалась, не нужно ли нам чего. Она украсила стол фальшивой китайской розой, опустив ее в вазочку с водой. Роза выглядела свежей, сочной и алела, как настоящая, создавая иллюзию южного лета, а за окном трещал мороз, двор был заметен снегом, и снег лежал пуховым воротником на нижних планках оконной рамы и на оцинкованном дождевом скате. Необыкновенно приятное это занятие: морозным днем посидеть в тепле, пропустить рюмку-другую и поговорить с приятелем. Вот только тема разговора у нас была своеобразная, щекотливая.

Выпили мы, закусили, и Петров поинтересовался:

– Тебе никогда не хотелось покончить самоубийством?

– Всерьез нет. Случайные мысли бывали, но долго не задерживались.

– Ну, значит, ты молодец, человек крепкий и счастливый. Одно слово: моряк, а моряки кончают жизнь в бою. Субъекта с такими щегольскими усами и баками, с суровыми складками у рта и воинственным взглядом, словно, выпив фронтные сто грамм, он собирается идти в штыковую атаку, никогда не потянет на самоубийство. Я вот человек доморощенный, с типичной биографией маменькиного сынка: колыбель, школа, институт, продвижение по службе, успехи в науке. У меня, конечно, характер послабее...

Петров и раньше любил, и с годами, оказывается, не разучился насмешничать, а ведь, по его словам, он не так давно перенес душевное потрясение, и взгляд его, на поверхности довольно ехидный, в глубине был серьезным и невеселым. Надо учесть, правда, то, что на моего приятеля благотворно подействовали винные пары: и язык ему развязали, и смягчили тоску воспоминаний.

– Ближе к делу, – одернул я его.

Он наклонился ко мне и приглушил голос, чтобы Вера не услышала:

– А еще потому ты не наложишь на себя руки, хоть, говорят, у писателей или артистов это в порядке вещей, особенно, в минуты роковые, что тебя опекает умная жена, голубоглазая, веселая и все понимающая. А у меня была... Впрочем, ладно. Первую мысль о самоубийстве я прогнал. Подумал, что мысль эта шальная, инородная, и тут же забыл о ней. Но вскоре она опять пришла, мягко так, незаметно внедрилась в голову и, смотрю, уже всю настроивает: «Повесся, дружок, немного подергаешься, и наступит вечный покой. Не почувствуешь больше ни тоски, ни возмущения, ни злости, не заскрежешь зубами, не стиснешь кулаки и не кинешься бить морду неизвестно кому». Я удивился, что могу так думать, и встревожился. Ужасно было, что с идеей отправиться на тот свет я стал постепенно сживаться. Я назвал ее глупой, но она коварная, вкрадчивая и... увлекательная. Страшно представить себя в петле с выкаченными глазами, прикушенным языком и синим лицом, но одновременно тянет в нее, как в крутой водоворот. Очень опасен соблазн разом освободиться от всех тягот жизни и душевных мук...

Сам знаешь, что происходит в родной стране. Голова раскалывается, когда думаешь, что сделали с ней ее ненавистники и что дальше будет.

Раньше я, как другие, мало интересовался политикой, но, начиная с восьмидесят восьмого, долгое время каждую свободную минуту торчал возле радио или телевизора. Порой доводил себя до умопомрачения, загонял, как лошадку: из кухни, от радио, мчишься, бывало, в гостиную, где стоит телевизор, потом – снова к радио, и назад – к телевизору. А что в сообщениях? Здесь не платят зарплату, там зимой не отапливают жилье, где-то дети падают в голодные обмороки, стариков бандиты выпихивают из квартиры, и никто ни за что не отвечает. Всюду убийства, взрывы, крушения, забастовки и митинги. Видели мы и разгон демонстраций, и расстрел народа у Останкино, и пальбу из танков по Верховному Совету. А на фоне всех этих кошмаров, кажущихся сверхъестественными, – непрерывная лживая говорильня политиков: «положение стабилизируется, начинаем выходить из кризиса, эмвезф даст денег», – и мелькание жирных радостных лиц – это «новые русские» дождались своего часа и пируют во время чумы, а их обслуживают сытые эстрадники, выращенные для «новых русских». Как тут не пасть духом и не вообразить, что настал конец света?..

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.